

А. А. ХОЛОДОВИЧ

ПАРТИТИВНЫЙ АТРИБУТ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Партитивным называем атрибут, который характеризует определяемое относительно части его содержания. Для уяснения понятия сопоставим предложения: „Они, Иванов и Петров, уехали в Москву“ и „Они, в том числе Иванов, уехали в Москву“. Эти предложения имеют то общее между собою, что и в первом и во втором приложение-атрибут раскрывает содержание, состав подлежащего. Однако то, как раскрывается это содержание, отличает одно предложение от другого. В первом предложении приложение-атрибут полностью исчерпывает содержание подлежащего: слагаемые, входящие в состав приложения (Иванов — Петров), дают сумму, которая точно выражена в подлежащем „они“. Это таким образом, тотальное приложение-атрибут. Во втором предложении приложение-атрибут исчерпывает содержание подлежащего только частично: слово, являющееся приложением-атрибутом, выражает только одно слагаемое (Иванов) из той суммы, которая дана в подлежащем „они“. Приложение-атрибут характеризует подлежащее-определяемое частично, односторонне. Это, таким образом, партитивное приложение-атрибут.

2. Взаимоотношение субстанции и ее партитивного атрибута представляет собою одну из важных глав в истории развития практического мышления, как оно обнаруживается в языке. Первая страница этого взаимоотношения на древней стадии паратаксиса целого и части была фактически написана А. . Потембней. По поводу конструкции с двойным творительным в Ригведе он писал:

„Раздавлены ногами слонами не бессмысленно: действительно слонами (то есть их) ногами. Только здесь отношение между двумя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, тоже восходящих в глубокую древность, но более согласных с нашей привычкой к объединению мыслей, как ногами слонов. Здесь на первом месте — вещь непосредственно действующая, относительный субъект *ноги*, на втором — вещь, коей принадлежит первая, *слонов*. Удаление этой последней субстанции на задний план может привести к ее устранению посредством замены прилагательным.“¹

Потембне, однако, осталась неясной логическая и материальная сторона этого правильно схваченного в своих существенных чертах паратаксиса. Попытка сопоставить паратаксис в языке с „паратаксисом“ древнейшей живописи, правомерная сама по себе, не может все же почитаться за объяснение. Она улавливает какие-то коррелятивные

¹ А. А. Потембня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 206.

категории из разных областей постижения действительности, но вопроса же решает.

Плодотворнее оказались более поздние попытки истолковать это явление. После того как были определены границы древнейшего паратаксиста части и целого, после того как стало ясно, что отношения части к целому первоначально постигаются не во всем своем объективном многообразии, а лишь в определенной сфере (тело и его органы), не затрагивая отношений частей измеряемого, взвешиваемого и многого другого к целому, в виду отсутствия этих отношений в непосредственном опыте или в виду особой сложности этих отношений, — тогда стала более прозрачной и реальная, объективная природа этого паратаксиста, „тайна“ конструкций типа *он голова болит* вместо *у него голова болит*.

Когда стал ясен тот первый концентрический круг партитивных отношений части к целому, который охвачен первобытным сознанием в силу ограниченности человеческой практики, выяснилась и материальная, реальная, объективная природа древнего паратаксиста. Несомненно: объективная истина этим сознанием в первом приближении и была схвачена. С. Д. Кацнельсон, который сделал существенный вклад в понимание практических оснований рассматриваемого явления, вполне справедливо отмечает, что „рука также предполагает человеческое тело, как и наоборот. Исключения здесь настолько незначительны, что примитивному уму они кажутся лишь мнимыми. Если часть необходимо предполагает целое, то стоит завладеть пером птицы, чтобы обладать ею самою.“²

Трудно только согласиться с несколько неосторожной, на наш взгляд, формулировкой: „Чувственное восприятие, скажем, тела и его органов, играющих значительную, если не главную роль в такого рода воззрениях, дает лишь весьма немного для понимания действительных соотношений части и целого“³. Конечно, чувственное восприятие дает немного для понимания всего богатства отношений части и целого. Но из этого не следует, что в ограниченной сфере оно не дает действительного отношения. Оно, правда, охватывает ограниченную действительность, но это все же действительность, которая составляет основу практической деятельности первобытного человека. В том, что, поймав крыло итицы, тем самым схватываешь и саму птицу, коренится некоторая доля объективной истины и, стало быть, некоторая правда относительно отношения части к целому. Неразумно было бы меньшую правду считать за недействительное постижение отношения. В определенной сфере оно остается действительным. И если оно снимается впоследствии, то причина этого коренится не в недействительности этого понимания, а в его ограниченности, в гораздо меньшем приближении к истине. Бесспорно, что расширение практического опыта должно было снять первобытный паратаксист, основанный на одностороннем чувственном восприятии.

3. Цитированный выше фрагмент из А. А. Потебни содержит в зародыше решение вопроса о том, каким образом в связи с изменением характера человеческой практики и в связи с изменившимся чувственным опытом человека преодолевался первобытный паратаксист целого и части, каким образом устранялось и изгонялось из языка „тождество“, рядоположенность целого и части. Исследование этого вопроса впоследствии, особенно в советской лингвистике, сделало наши знания по этой части более глубокими и основательными. В частности, благо-

² С. Д. Кацнельсон. К истории партитивного определения. Уч. зап. ЛГУ, № 58, стр. 44—45.

³ Там же, стр. 44.

даря ряду работ советских лингвистов стало ясно, что преобразование одной фазы развития языка в другую не сопровождается более или менее тождественными формальными преобразованиями. Стало ясно, что язык не дает единой формальной схемы при устранении паратаксиса целого и части.

Устранение паратаксиса может идти двумя путями. Во-первых, из паратактического отношения может быть устранено целое, то есть вся предикация распространяется на часть, которая, таким образом, признается носителем своих собственных определений, становится самостоятельной субстанцией, субъектом своих собственных атрибутов. Во-вторых, из паратактического отношения может быть устранена часть, то есть вся предикация распространяется на целое, и оно признается носителем всякого рода определений, тогда как части в этом, в некотором смысле, отказывается. Этим способом явно преодолевается „равенство“ целого и части, но отнюдь не устраняется некое тяготение к целому, которому явно отдается предпочтение перед частью. Здесь часть выступает как подчиненный момент, требующий непременно присутствия целого, поскольку части как таковой отказывается в собственной предикации.

Первый способ устранения паратаксиса наблюдаем, например, в русском языке, где, как говорит А. А. Потебня, „на первом месте — вещь непосредственно действующая, относительный субъект *ноги*, на втором — вещь, коей принадлежит первая, *слонов*. Удаление этой последней субстанции на задний план может повести к ее устранению посредством замены прилагательным“. Конструкции типа *он схватил его руку* являются конкретными примерами первого способа устранения паратаксиса.

Второй способ устранения паратаксиса формально весьма многообразен. Так, например, доуроветланский язык устраняет паратаксис, включая партитивный атрибут в состав предиката на правах члена инкорпорации и тем самым по-разному соотнося целое и часть с предикатом. Вот несколько примеров этого формального приема устранения паратаксиса:

Чавчывата ны-левты-чвекенат корат ‘оленоводы (они) — головы-отрезали оленей’ (= ‘отрезали у оленей головы’)

Туйкэ-тэ-м пиринин, рынны-ыват-гэ ‘туйкитуй (сказочная рыба, — А. Х.) схватила (его) и (она) — зубо-завязла’ (= ‘у нее завязали зубы’)

Нинкэипи н-ыкагынмы-пэча-кэнат ‘дети (они) — ладоне-хлопали’ (= ‘дети в ладони хлопали’)

Ты-йыкыри-лвы-гэк ‘(я) рото — ожегся’ (= ‘я ожег рот’).⁴

Аналогичный способ избирает древне-исландский язык в сложно-составных глаголах с инкорпорированным партитивом: *halshqggva* ‘шее-рубить’ = ‘шею рубить’; *fothqggva* ‘ного-отрубить’ = ‘отрубить ногу’; *halsljosta* ‘шее-ударить’ = ‘ударить по шее’; *hon var handhoggin* ‘она была руко-отрублена’ = ‘у нее отрубили руку’⁵ (в греко-латинском варианте с ванительным отношением: *отрублена в отношении руки*).

Иначе обстоит дело в греческом. Здесь второй согласуемый падеж, оставаясь формально согласуемым, в действительности теряет согласо-

⁴ Материал по доуроветланскому сообщен П. Я. Скориком.

⁵ С. Д. Кацнельсон. К истории партитивного определения, стр. 39 со ссылкой на G. Neckel. Exozentrische Komposita, I. F. XIX, возводившего эту конструкцию к двойному винительному части и целого.

вание, превращаясь в обстоятельство. Утеря согласования по существу обнаруживается в том, что при обращении данной якобы паратактической конструкции в аналогичную ей с ожидаемыми другими согласуемыми падежами (например, в пассивную с двумя именительными) сохранить оба падежа согласуемыми не удастся: второй согласуемый падеж останется необращенным. Неудача с обращением второго согласуемого падежа указывает на его наречно-обстоятельственный характер. Из предложения *схватил ребенка руку* (два винительных целого и части) не получается предложения *ребенок рука схвачена*, а только *ребенок руку* (то есть как бы в отношении *руки*, откуда и наименование этого падежа „винительный отношения“ или, по источнику его, „винительный греческий“) *схвачен*.

φρίσσει δὲ τὸ νοῦτον ὑπερδεν N. 473 ‘ощетинивается (вепрь) хребет’
 (= ‘в отношении хребта’ = ‘хребтом’)
 ἔξοχος Ἀργείων κεφαλὴν τε καὶ εὐρέας ὄμους (Г. 227) — ‘(он) превосходящий аргивян голову и широкие плечи’ (= ‘в отношении головы и широких плеч’ = ‘головой и широкими плечами’)
 γέγηθε δὲ τὸ φρένα ποιητῆν (θ. 559) ‘возрадовался сердце (= ‘в отношении сердца’ = ‘сердцем’) пастух’.

Совсем иначе обстоит дело в древне-русском в сочетаниях типа *тур-золотые рога*, где паратаксис устраняется обращением партитивного атрибута в аппозицию.

Можно полагать, что устранение из паратактического отношения части, каким бы путем оно ни происходило, древнее устранения из паратактического отношения целого. Первое означает, что все определения и предикаты приписываются целому, а не части, что часть присутствует только как подчиненная категория (в этом обнаруживается прогресс по сравнению с рядоположенностью части и целого), что всё в предложении соотнесено с целым, и часть обладает атрибутами лишь постольку, поскольку ими обладает целое. *Он ногодлинный* означает прежде всего, что длинный — *он*, и лишь во вторую очередь, что, собственно говоря, длинны *ноги*. Или иначе: ноги его длинны лишь постольку, поскольку эти ноги *его*.

Как справедливо замечает С. Д. Кацнельсон, сознание не рискует приписать части возможные для нее определения, не рискует признать автономию части. Наоборот, устранение из паратактического отношения целого представляет собою более позднюю фазу в развитии атрибутивного отношения части и целого. Здесь все определения фактически приписываются только части, и, таким образом, за нею признается способность иметь собственные определения, предикаты наравне с целым. Наличие двух конструкций типа *он схватил ее руку* и *он схватил ее за руку* говорит уже о том, что сознание, практическое мышление может исходить равно и из целого и из части.

4. Обращаясь к материалам древне-японского языка, обнаруживаем яркие следы переживаний первобытного паратаксиса целого и части. Для этого периода в развитии языка характерна структура, засвидетельствованная следующими предложениями:

Кадзиторн кэсики асикарадзу ‘кормчий вид не неприятен (= ‘вид кормчего не неприятен’ = ‘кормчий в отношении своего вида не неприятен’). (Тоса никки. 14-й день первой луны)⁶

⁶ В литературно обработанном переводе: ‘В таких случаях вид кормчего бывал не столь уж противный’.

Синиси ко као ёкарики 'умерший ребенок лицо мило' (= 'лицо умершего ребенка мило' = 'умерший ребенок мил в отношении лица'). (Госа никки. 4-й день второй луны).⁷

Каковы особенности этих предложений, если их освободить от отношений, навязанных русским переводом?

Во-первых, имя существительное, выражающее целое („кормчий“, „покойный ребенок“), в этих предложениях имеет форму, так называемого, неопределенного падежа. Признаком этого падежа, как и во множестве других языков, является окончание — нуль.⁸

Во-вторых, имя существительное, выражающее часть („вид“, „лицо“), в этих предложениях имеет форму тоже неопределенного падежа.

Выходит, таким образом, что падежи целого и части тождественны друг другу, согласованы друг с другом. Оба предложения, таким образом, дословно означают следующее: 'кормчий вид не неприятен', 'покойный ребенок лицо мило'.

В-третьих, в качестве целого здесь непременно выступает наименование человека в целом или, иначе, человек как организм, тогда как в качестве части выступают наименования либо частей тела, физические и психические особенности организма и человека, либо частичные проявления организма в целом. Это все да рука, нога, лицо и т. п. Это — постоянно настроение, характер, внешний вид и т. д. Такой характер членов конструкции позволяет заключить о значительной древности партитивного атрибута и атрибутивного отношения этого рода.

В-четвертых, в качестве предиката таких предложений выступает, как правило, имя прилагательное. Можно предполагать, заключая, быть может несколько неосторожно, от современного к древнему, что предикатом мог быть также и непреходный глагол состояния. Это значит, что конструкция типа *ранил врага живот* или, с инверсией в пассив, *враг живот ранен* были неизвестны древнему языку (равно как они неизвестны и современному).

В-пятых, это сказуемое предикатирует качество одновременно как целому, так и части, что следует из паратактического согласования определяемого и его партитивного атрибута: *приятен вид кормчего, а стало быть, и сам кормчий*, или в более поздней, неадекватной интерпретации: *приятен кормчий, т. е. есть вернее его вид* (но, конечно, не *вид кормчего* или *кормчий с виду*).

5. Можно ли считать первобытный паратаксис актуальной конструкцией для древне-японского языка? На этот вопрос мы не рискнули бы ответить утвердительно. Полагаем, что для этого есть некоторые существенные основания.

Одно согласование еще не является надежным свидетельством древнего паратактического отношения части к целому. Бесспорно, устранение согласования есть знак устранения паратаксиса, знак смерти конструкции. Однако сохранение согласования все же не свидетельствует еще об актуальности паратактической конструкции. Это, между прочим, может иметь место в том случае, если язык нашел средства преодолеть инерцию согласования. Вот что мы имеем в виду.

⁷ Как пословица, это означает: 'Всегда мило лицо покойного дитяти'. Близкий по типологии пример из архаического японского памятника „Манъёсю:“ сообщает мне проф. Е. М. Копацкий: ... *сакура-но хана-ва сакитару-ва тирисугин-каэри, фуфумэру-ва сакцу:губэси* 'цветы вишни, те, что цветут, уже опали, те, что в бутонах, продолжают цвести'.

⁸ По своему происхождению это, несомненно, падеж инертного субъекта-объекта эргативного предложения.

Во-первых, порядок слов. Надо думать, что классическая форма паратаксиса допускает в отношении приведенных нами примеров, по крайней мере, две модели: *дитя лицо мило* и *лицо дитя мило*.⁹

Если целое предшествует части, если часть никогда не может быть препозитивна целому, то этим самым устанавливается некий минимум неравноценности части целому, некоторое, пусть робкое, стремление высказать нечто только о части, правда, при непременно присутствии целого. Во всяком случае, твердую последовательность двух элементов в паратактическом отношении мы склонны признать первым примитивным выражением размышления над паратаксисом, первым примитивным отходом от актуальной конструкции к конструкции реликтовой. В фиксированном порядке надо видеть некоторый минимум устранения паратаксиса, границу между древнейшим и более новым состоянием языка. История устранения паратаксиса начинается с фиксированного порядка слов. Древний японский язык знает в отношении рассматриваемой конструкции только твердый порядок элементов: часть непременно следует за целым.

Во-вторых, интонация, мелодика предложения. Если рассматривать интонацию как таковую, вне выражения ее материально ощутимыми средствами, тогда исследователь оказывается перед неразрешимой задачей: древний японский язык не оставил нам на этот счет никаких показаний, ибо отделение тотального субъекта от парциального запятой (*кадзитори, кэсики асикарадзу; синиси ко, као ёкарики*) есть, несомненно, дело рук издателей и редакторов текста и свидетельствует не столько о переживании конструкции древним японцем, сколько о некоторой коллизии сознания современного японца с паратаксисом и согласованием в древнем языке, которую он и стремится устранить минимально затрагивающими древний текст средствами. Если же рассматривать интонацию в связи с некоторыми лексическими средствами ее выражения, в частности в связи с так называемой эмфатической частицей *-ва*, тогда решение вопроса становится гораздо проще. Оказывается, что уже в древнем языке подлежащее, выражающее целое, часто сопровождается этой частицей речи. Уже в древнем языке наряду с *кадзитори кэсики асикарадзу* возможно *кадзитори-ва кэсики асикарадзу*. Это обстоятельство само по себе весьма знаменательно. Оно говорит о том, что уже в древнем языке часть и целое расположены в двух различных плоскостях: на одном делается акцент, другое остается как бы в тени, невыделенным.

Если фиксированный порядок слов, а равно интонационное выделение одного из членов атрибутивного отношения части к целому, уже может трактоваться как первый шаг к устранению первобытного согласования партитивного атрибута с определяемым, то все же для более поздних фаз развития японского языка не эти методы являются ведущими, основными. Ниже рассматриваются два способа устранения паратаксиса и установления принципиально нового отношения между партитивным атрибутом и определяемым. Один из этих способов, ныне господствующий, может представить и общетеоретический интерес, поскольку он неизвестен тем языкам, в которых описывалось разложение и смерть древнейшего согласования.

6. В японском языке наряду с простыми словами имеются слова сложные, состоящие, как правило, из двух основ типа русских *лесостепь*, *винодел*, *быстроногий*, *уховертка* и т. п. Структура и типы сложных слов более или менее удовлетворительно описаны в любой солидной

⁹ Быть может, даже *дитя и лицо мило*. Ср. аналогичное явление в отношении паратаксиса определяемого и определения: *у ней были брови и соболю, у ней были очи и соколы* (пример А. А. Потебни).

грамматике японского языка. Японская грамматика рассказывает, что есть слова типа *гора-река* в значении „горная река“, состоящие из соположения двух именных основ, что есть слова типа *узкая-дорога* в смысле „узкая дорога“ (= „тропа“), состоящие из соположения корня прилагательного и именной основы, что есть слова типа *громко-смех* в смысле „громкий смех“ (= „хохот“), состоящие из соположения корня прилагательного с глагольным именем действия, и т. д. и т. п.¹⁰

Странно, однако, что семасиологическая оценка этих слов не произведена вовсе. Достаточно, например, обратить внимание на то, как трактуется сочетание в одно сложное слово именных основ с основами качественными, чтобы понять, что мы имеем в виду. Проф. Ямада ограничивается формальной регистрацией факта тройного соединения предметной семы с семой качественной: качественный корень — предметная основа (*хосомити* — ‘узкая-дорога’ = ‘тропа’), предметная основа — качественный корень (*асинага* ‘ного-длинный’ = ‘длинноногий’), предметная основа — качественная основа (*надакаи* ‘имя-высокий’ = ‘высокий именем’ = ‘знаменитый’). Между тем достаточно было бы приглядеться к составу и значению каждого из этих типов, чтобы убедиться в том, что семантический анализ небесполезен не только в интересах лексики, но и в интересах грамматики, особенно синтаксиса. Остановим наше внимание на сложных словах типа предметная основа — качественный корень (*асинага* ‘ного-длинный’ = ‘длинноногий’). Достаточно привести по возможности полный список этих слов, чтобы кое над чем призадуматься. Вот этот перечень.¹¹

Группа А с элементом *аси* ‘нога’:

асибая ‘ногобыстрый’ в значении „быстроногий“
асибосо ‘ноготонкий’ в значении „тонконогий“
асибутто ‘ноготолстый’ в значении „толстоногий“
асидака (более архаическое *аситака*) ‘ноговысокий’ в значении „высоконогий“, „с длинными ногами“
асиёва ‘ногослабый’ в значении „слабногий“, „медленноходящий“
асинага ‘ногодлинный’ в значении „длинноногий“

Группа Б с элементом *тэ* ‘рука’:

тэара ‘рукожестокий’ в значении „жестокый в обращении“
тэдзэма ‘рукоузкий’ (ныне) в значении „узкий“, „ограниченный в пространстве“
тэусуи ‘рукотонкий’ в значении „скудный“

Группа В с элементом *мэ* ‘глаз’:

мэбосо ‘глазоузкий’ в значении „узкоглазый“
мэдака ‘глазовысокий’ в значении „остроглазый“
мэкура ‘глазотемный’ в значении „темноглазый“, то есть „слепой“
мэнага ‘глазодлинный’ (ныне) в значении одной из пород рыб

Группа Г с элементом *кути* ‘рот’:

кутивару ‘ротоплохой’ в значении „непристойный на язык“
кутибая ‘ротобыстрый’ в значении „быстроговорящий“

¹⁰ С одним из таких полных описаний можно познакомиться по книге японского проф. Ямада „*Нихон ко: гохо: ко: ги*“ (Лекции по грамматике японского разговорного языка), §§ 217—223.

¹¹ В этом перечне даны „нечленные“ прилагательные; „членные“ образуются из „нечленных“ с помощью суффикса *и*; напр: *асибосо* > *асибосои*.

Группа Д с элементом *омо* 'лицо':

омонага 'лицедлинный' в значении „длиннолицый“, „овальнолицый“
омоясэ 'лицеизнуренный' в значении „с изнуренным лицом“

Группа Е с элементом *коэ* || *кова* 'голос':

ковадака 'голосовысокий' в значении „громкоголосый“

Группа Ж с элементом *тоси* 'год', 'возраст':

тосивака 'годомолодой' в значении „молодой годами“, „юный“
тосиэза 'годослабый', 'годонеполный' в значении „неполногодзый“,
 то есть ребенок, родившийся во второй половине года
тосидзуё 'годосильный', 'годополный' в значении „полногодзый“,
 то есть ребенок, родившийся в первой половине года
 Из этого перечня можно сделать ряд выводов.

Во-первых, ясно, что первым членом этих сложных слов являются предметные основы со значением частей человеческого тела или такие предметные основы, которые с какой-то стороны частично характеризуют целое — организм, человека (нога, рука, рот, лицо, голос, год и т. п.)

Во-вторых, ясно, что эти именные основы сочетаются с качественными основами или корнями. Это, таким образом, те же элементы и формально и по содержанию, которые были выше описаны в словосочетаниях типа *кадзитори кэсики асикарадзу* 'кормчий вид приятен', отражающих древний паратаксис целого и части. Любопытно при этом отметить, что там, где вторым элементом является качественный корень (более древнее состояние имени прилагательного, аналог русского нечленного прилагательного), там, как правило, первый элемент — непременно наименование части человеческого тела (исключения буквально единичны). Где вторым элементом является качественная основа (более позднее состояние имени прилагательного, аналог русского членного прилагательного), там в качестве первого элемента наименования частей человеческого тела выступают только как частный случай. Это говорит, на наш взгляд, о том, что слова первого типа архаичнее, нежели слова второго типа.

В свете всего сказанного выше можно уверенно считать слова типа *асинага* 'ногодлинный' (= 'длинный в отношении ног' = 'длинноногий') не только фактом лексики, но и фактом грамматики, синтаксиса, а тем самым аналогами словосочетания с партитивным атрибутом:

Карэ аси нагаси 'он ноги длинны' || *Карэ асинага (нари)* 'он ногодлинный (есть)' = 'он длинный в отношении ног' = 'он длинноногий'

Поскольку эти конструкции являются аналогами, постольку можно поставить вопрос о их взаимоотношении в историческом плане. Полагаем, что предложения с входящими в его состав сложными словами типа *асинага* являются исторически более поздними, нежели предложения с согласуемыми неопределенными падежами. В них уже устранено полностью согласование партитивного атрибута с определяемым. Они и обязаны-то своим существованием потребности в устранении подобного паратаксиса. Если бы не было объективной необходимости умертвить предложения типа *ко као ёкари* 'дитя лицо мило' с недифференцированным отношением предиката к целому и части, то не было бы потребности и в предложении типа *дитя лицемилое* (*дитя милое в отношении лица* = рус. *дитя лицом мило*). Где русский язык устранил паратаксис разуподоблением падежей, там японский устранил его инкорпо-

рацией, сложным словом. Оба решили одну и ту же задачу, но методы решения оказались неодинаковыми. Метод, использованный японским, поразительно напоминает архаизмы греческого эпического языка. Достаточно напомнить известный эпитет-прозвище Ахилла ποσειδάκις 'ногобыстрый' (наряду с ποδάς ὄχις), наименование многих копей в „Илиаде“ „ногобельми“ (Ποδάργυς Θ. 185, Ποδάργη Π. 150, Ποδάργυς Τ. 400. Ποδάργων. Ψ. 295)¹² (наряду с ἀργίποδας Ω 211 'белоногими') и многие другие примеры.¹³

Правда, в греческом это явление представлено гораздо богаче. Ср., например, в собственных именах ἰάτροκλος 'отцеслав' = 'славный по отцу', 'Патрокл' (наряду с Κλεοπάτρη 'славоотчая' = 'Клеопатра'), Δόρυκλος 'славный в отношении копья' и др., однако это различие в объеме связано с проблемой отчуждаемой и неотчуждаемой собственности и к рассматриваемому нами вопросу имеет лишь косвенное отношение. Что же касается того, что в греческом такие сложные слова сплошь и рядом оказываются субстантивированными, то это точно так же не имеет отношения к проблеме партитивного атрибута, а касается более широкого вопроса об атрибуте на разных фазах развития языка (в частности, вопроса о существенном и несущественном признаке). Впрочем, такая субстантивизация не является неожиданной и для японского языка. Ср., например: сэйрё: дэн-но уситора-но суми-но, кита-но хэдэтэтару мисо: дзи-ни-ва арауми-но ката, икитру монодомо-но, осоросигинару, тэнага, асинага — о дзо какарэтару — на фусумо, отгораживающих с севера веранду от внутренних покоев дворца Сэйредэн, в северо-восточном углу его были нарисованы бурное море и (в нем) всяческое живое, страшное, длиннорукое, длинноногое. (Макура-но со: си, 20).

Насколько древен этот метод устранения паратаксиса в японском языке, сказать сейчас трудно, но не ошибемся, если признаем его, по некоторым данным, древним. Во-первых, рассматриваемый метод образования сложных слов непродуктивен в современном языке. Во-вторых, структура слова говорит о значительной архаичности этих слов: в состав сложного слова входит качественный корень (некоторого рода аналог нашего нечленного прилагательного) как второй его элемент. Между тем современный язык допускает новообразования лишь с качественной основой как вторым элементом сложного слова (некоторый аналог нашего членного прилагательного).¹⁴ В-третьих, ряд слов подобного рода в современном языке выполняет чисто лексические функции со значением настолько далеким от этимологического, что трудно допустить, чтобы слова эти возникли в сравнительно недавнее время. Так, например, мэкура это просто 'слепой'. Особенно серьезные семантические сдвиги произошли в сложных словах с первым элементом тэ 'рука': тэара 'рукогрубый' значит ныне „жестокый в обращении“, тэдзэма 'рукоузкий' значит ныне „узкий“, „ограниченный“ в пространственном смысле этого слова, тэусу 'рукотонкий' значит ныне „скудный“ и т. д. Наконец, надо отметить, что целый ряд фонетических особенностей говорит о древности подобного основосложения. Если японец уже в Хв. говорил:

Ковадака-ни на тамаи-со ' (ты) голосогромкий не говори' > 'не говори ты, будучи голосогромкий' > 'не говори ты громким голосом' (= 'громко'). (Такэтори моногатари),

¹² Ср., однако, ποδάς ἀρούς, Σ 578, с тем же значением, но во внешней, свободной синтагме.

¹³ См. по этому поводу: H. Frei. Sylvie est jolie des yeux. Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally, Genève, 1932, стр. 137.

¹⁴ Любопытно, что японские „нечленные“ прилагательные ныне употребляются преимущественно атрибутивно тогда как „членные“ и атрибутивно и предикативно.

то он уже тогда использовал довольно архаичную и для того времени предметную основу *кова* 'голос' вместо ожидаемой предметной основы *коэ*. Во всяком случае, для точной датировки этого явления необходима тщательная проработка памятников древней японской литературы, которая и стоит сейчас как очередная задача перед изучающим партитивный атрибут в японском.

7. Помимо инкорпорации, есть еще один метод устранения паратак-сиса, который представляет собою довольно оригинальное явление, неизвестное нам в других языках. Имеем в виду следующие предложения, в которых выражено отношение:

а) между человеком как целым и органами его тела как частью:

(Ватаси-ва) мунэ-га курусии. Атама-га итаи 'я=у меня) болит грудь; ломит голова' (= 'голову'). (Таяма Катай, 288).

Коно мусумэ-га фуи-ни сугата-га мизэакунатта 'эта девушка вдруг фигура скрылась из виду' > 'внезапно фигура этой девушки скрылась из виду' (Сато Харус, 483).

Коскэ-ва хидари-но аси-га варуи токоро-ни, Сусуму мо мата хидари-но аси-га киканай-но да 'Коскэ левая нога плоха, Сусуму также левая нога не действовала' > 'у Коскэ неладно было с левой ногой; не действовала левая нога и у Сусуму'. (Ямамото, Нами, 377).

Ватаси-ва ё:су-га каваттэ иру кара сиранай десё 'я внешний вид изменился, а потому, думаю, не узнает' > 'по внешнему виду я изменилась, а потому, думаю, не узнает'. (Масамунэ, 67).

б) между человеком как целым и отправлениями его организма (дыхание, одышка, кашель и т. п.) как частью:

Карэ-ва ики сакэкусан 'он дыхание разит вином' > 'от него разит вином'

Дайскэ ва сукоси кокю:-га сэматта 'Дайскэ дыхание немного спирало' > 'у Дайскэ дыхание слегка сперло'. (Нацумэ, Сорэ кара, 222).

в) между человеком как целым и элементами его психики как частью:

Кими-ва тати-га варуи 'ты характер плохой' > 'у тебя характер плохой'. (Ямамото, Нами, 20),

Ано отохо-ва хито-га ии 'этот парень — человек хороший'
Боку-ва ки-га ёваи 'я дух слабый' > 'я человек робкий'. (Фудзимори, 707).

г) между человеком как целым и одним из свойств его частей тела:

Огэнсан, (аната-ва) тайхэн каоиро-га варуи-н да. До: сита но 'вы), Огэнсан, цвет лица ужасно плохой. Что-нибудь случилось?' > 'вы, Огэнсан, ужасно плохо выглядите. Что-нибудь случилось?' (Куникида Д., 202).

д) весьма возможно, что сюда же следует включить отношения между человеком как целым и какой-либо существенной принадлежностью его:

Хэй, хэй то иттэ, (аната-ва) судзи-га сукунай то бака-ни сия-гару затвердил одно: рядовой, рядовой, да еще измывается: (у тебя < ты) (нашивок < нашивки), мол, мало (= малочисленны). (Таяма Катай, 284)¹⁵.

Все эти предложения являются аналогами предложений со сложными словами типа *асинага* 'ногодаинный' > 'длинноногий' в их составе, о которых у нас шла речь выше. Между предложениями *дитя лицемилое* и *дитя лицо милое* (с соответствующим оформлением определяемого и его партитивного атрибута по нормам современного языка) можно поставить знак равенства касательно тех отношений, которые ими выражаются. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы определить на исторической почве отношение этой вновь привлекаемой структуры к двум вышеприведенным, а именно к структуре с двумя согласуемыми падежами целого и части и к структуре с инкорпорированным партитивным атрибутом в состав сложного слова.

Опишем сперва эту новую структуру. Какова в действительности конструкция этих предложений, если ее освободить от отношений между словами, навязанных русским переводом. Остановимся для этого на одном из приведенных выше предложений:

Карэ-ва тати-га варуи 'он характер плохой' > 'он характером плох'.

Имя существительное, выражающее целое, то есть „он“, имеет в этом предложении форму так называемого неопределенного падежа. При этом, как правило, в подавляющем большинстве случаев, исключая стилистико-синтаксические архаизмы, и частично просторечие, неопределенный падеж сопровождается эмфатически выделительной частицей *-ва*. Имя существительное, выражающее часть, то есть „характер“, имеет в этом предложении форму именительного падежа, характеризующегося морфемой *-га*, которая, судя по памятникам японской литературы, если основываться на исследованиях проф. Е. М. Колпакичи, стала функционировать как знак именительного падежа с XIV в. н. э.

Возникает весьма сложная проблема: чему предцировано сказуемое? Целому и части одновременно; только целому или только части? Теоретически возможны три взаимоисключающих ответа. Первый ответ означал бы признание паратаксиса целого и части в современном языке. Действительно, некоторые основания для этого есть. В самом деле, если в древнем языке паратаксис обнаруживался в согласовании двух неопределенных падежей, то в современном языке такой же паратаксис, на первый взгляд, обнаруживается в согласовании тоже двух падежей, но уже не неоформленных, а именительных: именительного оформленного (морфема *-га*) и именительного неоформленного (морфема — нуль), восходящего к неопределенному падежу, поскольку неопределенный падеж в системе современного языка можно трактовать как именительный с нулем-окончанием. Тогда, естественно, древнее *карэ хара итаси* 'он живот больной' = современному *карэ-ва хара-га итаи* 'он живот больной'. Тогда действительно паратаксис древнего языка, своеобразно еос-

¹⁵ Ср. *sadol* — *beorht* 'седлоблестательный' > 'блестательный в отношении седла' у Беовульфа (2175), *хорвацелос* 'шлемоблещущий' (постоянный эпитет Гектора) у Гомера и *pictus aei tunicas* 'расшитый в отношении туники' у Вергилия (XI, 777). Примеры заимствую у Фрея с его выводом (см.: Н. Frei. *Sylvie est jolie des yeux*, стр. 13—191): „из этого можно заключить, что личность в древнее время не была ограничена телом как у нас, а включала также оружие, снаряжение (шлем, дротик, копье, стрела, щит, седло), лодки, корабли, кони, семью, общественные группы...“ со ссылкой на всем известные места из работ Леви Брюля и на работу Вальи: "L'expression des idées de sphere personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes". По этому поводу см.: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. Л., 1939.

произведенный в паратаксисе современного, благополучно дожил до наших дней.

Однако основания для такого истолкования конструкции весьма шаткие. В самом деле, даже признавая оба падежа за именительные, не можем отрицать, что это разные именительные падежи и что таким образом согласование здесь в какой-то мере устранено. Основное в конструкции состоит в том, что она устраняет согласование на почве самого согласования: основываясь на одном и том же падеже, язык избирает две разные формы этого падежа. Говорить о паратаксисе при таких условиях было бы по меньшей мере неосторожно. Придерживаться этой точки зрения можно было бы разве с одной существенной оговоркой: надо допустить, что сознание не может больше предпринимать сказуемое и целому и части и части одновременно, а потому разуподобляет падеж целого и части; но отдать предпочтение чему-то оно колеблется и потому в какой-то мере „лукавит“; оно предпочитает, оставаясь в сфере согласования, найти в нем своего рода „ахиллесову пятю“ — несогласуемые согласуемые именительные падежи целого и части. Поскольку сознание проявляет колебание, постольку оно непрестанно попадает в противоречия; это находит отражение в том, что иной раз при партитивном атрибуте „возрождается“ неформленный именительный и конструкция вновь приобретает архаические черты; иной раз при определяемом появляется именительный оформленный (ср. уже приведенный выше пример: *Коно мусумэ-га фууни сугата-га миэнаку натта* 'вдруг эта девушка фигура исчезла из виду' > 'эта девушка вдруг исчезла из виду'), и конструкция опять-таки причудливым образом архаизируется через морфологический неологизм (восстанавливается старое согласование с помощью нового, появившегося в XIV в. падежа). Эти колебания свидетельствуют одновременно и о чувстве неравенства между целым и частью, о некоторой беспомощности языка в отношении того, чему же отдать все-таки предпочтение, таким образом о каком-то переходном состоянии языка.¹⁶

При такой оговорке можно было бы говорить о каком-то отзвуке паратактической конструкции. Мы предложили вышеприведенное объяснение за тем, чтобы не скрывать тех размышлений, которые может породить рассматриваемая конструкция, а не за тем, чтобы настаивать на абсолютной справедливости сказанного. Мы же предпочли бы иную интерпретацию. Нам кажется, что эту конструкцию можно рассматривать как устранение паратаксиса с точки зрения части, с точки зрения партитивного атрибута. В самом деле, устранять согласование можно исходя из целого (ребенок характером плох) и исходя из части (характер ребенка плох или у ребенка характер плохой). В рассматриваемой конструкции несомненно одно: подлинно именительным падежем, который не несет в современном японском никаких иных функций, кроме падежа универсального субъекта, является падеж, оформленный морфемой *-га*. Стало быть, сказуемое бесспорно предпринимано тому слову, которое имеет этот падеж, то есть партитивному атрибуту: *болит голова, мило лицо*, — вот основной смысл рассматриваемых сочетаний. Стало быть, язык в данном случае исходит из части и умеет приписывать части признаки, свойства.

Какую же роль в этом случае выполняет неопределенный падеж? Имея в виду, что в современном языке этот падеж нередко выполняет

¹⁶ Ср. то же явление при именах прилагательных психологического переживания типа *коваи* 'страшный', *ватаси-ва коваи* 'я страшный' = 'испытывающий чувство страха' и *каминари-га коваи* 'гром страшный' = 'наводящий страх', но *ватаси-ва каминари-га коваи* 'мне гром страшен', 'я боюсь грома'.

обстоятельственные функции, можно допустить, что в этих конструкциях он играет роль знака устранения древнего согласования через выталкивание в область косвенных дополнений — обстоятельств имен, выражающих целое. Кстати, в ряде случаев он действительно может заменяться дательным падежом. Выходит, таким образом, что неопределенный падеж выполняет ту же функцию, какую в русском языке выполняют косвенные дополнения с предлогом: у меня, у него и т. п.

Оригинальность японской конструкции все же заключается в том, что для устранения паратаксиса используются два именительных, создающих видимость двух субъектов. Но только один из этих падежей является как бы сильным и потому подлинно субъектным, а другой как бы слабым и потому обстоятельственным. Этот метод устранения согласования посредством падежа-синонима, посредством дифференциации падежей-синонимов на сильные и слабые имеет в японском языке аналогии и в другой сфере. Так, например, при переходных глаголах в ряде случаев японский язык дифференцирует категорию предконтакта на медиат и имедиат не противопоставлением дательного винительному, а использованием двух винительных: винительного сильного (морфема *-o*) для выражения объекта действия и винительного слабого (морфема *-o sитэ*) для выражения исполнителя чужой инициативы.

Таким образом, конструкция *я голова болит* является своеобразным методом устранения согласования и в этом отношении аналогична конструкции *он ногобыстрый*, с той только разницей, что в первом случае устранение согласования реализуется с точки зрения части, а во втором случае — с точки зрения целого.

Эта статья не исчерпывает проблемы партитивного атрибута в японском языке так, как этот атрибут был определен вначале. Она касается лишь одного фрагмента языковой действительности, который уже давно обратил внимание исследователей, тщетно пытавшихся найти ему удовлетворительное объяснение.
